

18+

Михаил Андреев-Амурский *По реке времени: Амур, Лапландия, Балканы, Палестина...*

Ваш корреспондент встретился с...

Михаил Андреев-Амурский
По реке времени: Амур,
Лапландия, Балканы,
Палестина... Ваш
корреспондент встретился с...

*<https://litres.ru/74370353>
ISBN 9785007103114*

Аннотация

В новой книге предлагаю новые сюжеты своего литературного творчества, навеянные жизненными наблюдениями, творческими командировками по стране, государствам Евразии. В них отражены самые интересные события, мнения, лица, характеры, поступки разных людей, встретившихся на моём жизненном пути. Прошлое нельзя изменить или вернуть — его можно только забыть или вспомнить, чтобы прожить заново, оценивая в душе сказанные слова и совершённые дела не только свои, но и других людей.

Содержание

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО	7
Двери в журналистику	8
Озеро Хасан — вечные раны времени	45
Вернувшийся к друзьям на поле боя...	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**По реке времени:
Амур, Лапландия,
Балканы, Палестина...
Ваш корреспондент
встретился с...**

Михаил Андреев-Амурский

© Михаил Андреев-Амурский, 2026

ISBN 978-5-0071-0311-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«А ЗА СПИНОЙ ЗВЕНЯТ ТЫСЯЧЕЛЕТЬЯ И
ДРЕМЛЕТ КАКТУС ВРЕМЕНИ ХРИСТА...» ПАЛЕ-
СТИНА, 2010.**

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Двери в журналистику

С чего моё писательство началось? С моего буйного школярско-студенческого нетерпения литературно изваять что-нибудь такое-эдакое, по-настоящему трепетно радующее сердце, а не с этого страшно утомительного сидения за микроскопами, изготовления микросрезов растительных тканей, рисунков бесконечных растительных клеток и прочей учебной немилости.

Хотелось творить. Но как? И однажды весенними днями я наведаясь в молодёжную краевую газету «Молодой дальневосточник» — прознал, что в стенах её редакции открылась «Школа молодого репортёра». Весьма общительные газетчицы любезно встретили, пригласили и стали обучать всяким премудростям документальных и почти художественных сочинений — Людмила Лапшина, штатная журналистка-репортёр, и её шеф-редактор — Ольга Рыжакова, заведующая отделом писем. Люсенька, как звали её коллеги, оказалась высокой, крупной девушкой с яркими чертами лица и тела. Она и Ольга Рыжакова, видная, белокурая пани, небольшая ростом, но бойкая натурой, стали моими первыми наставниками в деле владения литературным пером.

И надо же было такому случиться, как раз в эти мои лихие дни первого испытания, на первую полосу газеты понадобилась свежая заметка о студентах. Людмила мягко улыбну-

лась, говорит: «Иди, Михаил, срочно ищи материал. Только обязательно, он должен быть правдивый, точный». Но, как назло, получилось совсем наоборот. Я тут же наткнулся на «дезу».

На железнодорожном вокзале встретил группку студентов, она показалась мне натуральным студотрядом — форма, значки, прочие яркие вещицы. А на деле вышло так, что эти бойкие парни и девчата решили просто хорошо подзаработать на летних каникулах, а я о них в заметке написал, как об официальном отряде. И потом, как проверять, кто они. На лицах не написано...

У подножия памятника первопроходцу Ерофею Хабарову, что стоит напротив здания вокзала, сидели на рюкзаках, вещах, парни и девчата в выгоревших форменных студенческих куртках с наклейками и значками. Разговорились. Я назвался нештатным корреспондентом краевой «молодёжки».

Самое интересное, услышав это, группа сразу засуетилась, а одна из девушек быстренько мне представилась, рассказала, что все они из студотряда «Меридиан», будут работать летом проводниками поездов дальнего следования. Поговорили минут двадцать, кто они, как, зачем едут, и я поехал в редакцию делать материал. После моего двухчасового неустанныго пыхтения за столом в отделе писем, вышло нечто сверхподобное..

Вот эта заметка: «В дорогу дальнюю». Бойцы отряда проводников «Меридиан-71» Хабаровского медицинского ин-

ститута Людмила Шестопалова, Татьяна Кожевникова, Павел Могилевский вскоре отправятся в рейс по маршруту Хабаровск-Москва. Это первая бригада отряда проводников, которая начинает свой третий трудовой семестр. Последователь «Стрелы», первого студенческого отряда проводников вагонов «Меридиан-71» быстро завоевал популярность среди студентов-медиков».

Моя первая заметка в краевой газете «Молодой дальневосточник» (личный архив).

Эта небольшая опубликованная заметка, кроме моего первого удовольствия, принесла и неожиданные неприятности. Я же не стал проверять, по наивности, честность этих ребят и, как оказалось, они не были никакими добровольцами-патриотами, а лишь студентами, желавшими летом неплохо подзаработать, и о них в комсомольской верхушке ни города, ни тем более края, совсем ничего не знали. От Лапшиной я получил первый нагоняй за непроверенные данные, и дал слово будущего журналиста давать только правдивую информацию.

— Ничего, сказала она. Не горюй. Бывает и хуже. Чиновники, знаешь ли, они же почти как дети — любвеобильны, капризны и... Но знай, что за каждой нашей строчкой очень даже смотрят. Потому что боятся, тех, кто ещё выше», — выразительно показав пальцем вверх. И я сердцем понял, как же будет труден хлеб моей новой профессии, долго размышляя над случившимся — а какая вообще-то разница была в том, что поедут они сами для себя зарабатывать, помогая державе или будут колесить по стране в вагонах под громкие рапорты комсомольских боссов..

И покатилась в горку моя зародившаяся литературная судьба. Так я подсел на творчество, и оно уже никак не отпускало меня из своих мягких когтистых лапок. Стало новой привычкой после институтских занятий спешить в небольшую редакцию «молодёжки» возле кинотеатра «Совкино», получать новые задания и привыкать к ответственности.

В один из таких визитов Люсенька отвела меня в угол кабинета, и, пока никого не было, стала тихо и таинственно объяснять новое поручение.

— Миша, — осторожно начала Люся, — в редакцию давно и очень густо сыплются жалобы от студентов железнодорожного техникума на плохое питание в местной столовке. Редактор пока против шумства, говорит не время сейчас перед выборами выяснять, что и как. А мне нужно, чтобы у ребят всё было хорошо, да и вывести на чистую воду надо кое-кого из местных. Справишься? Если нет, скажи сразу». Стало понятно, что это моё первое очень серьёзное испытание. Предстояло маленькое журналистское расследование и конкретное наказание виновных..И я согласился. Хотя заранее чувствовал, что многое будет непонятно, но всё таки ощущал внутри, как теплится огонёк удачи.

В кулинарных хитростях обмана и обвеса я был полный ноль. Однако моя мама почти тридцать лет проработала поваром в столовой «Школы плавсостава», где чётко, по расписанию кормились будущие «морские волки» — рулевые, штурманы, капитаны дальнего плавания. И не было ни одного дня, когда вернувшись с работы, она бы не возмущалась гадкими распоряжениями завстоловой. Естественно, она и стала моим главным консультантом в разоблачении практических технологий кражи продуктов в таких точках питания.

Целый вечер она с увлечением рассказывала о самых невероятных способах воровства работниками обществен-

ных кухонь. Для меня это стало настоящим открытием, сродни кругосветному путешествию Магеллана, и я-то, наивный, долго не мог взять в толк, как можно украсть еду, когда тебе доверили кормить людей?

На следующий день после институтских занятий я объявился в знакомой студенческой столовой техникума, благо она располагалась совсем неподалёку от места моей учёбы — нужно было только пересечь широкую улицу.

Завстоловой тут же нашёл быстро — на его рваный замызганный халат, шустро мелькавший в зале, хмуро указала неприветливая официантка.

— А Вам он зачем, — спросила она недовольно, — опять про заказы узнавать будете?»

— Нет, он мне нужен по другому делу. Я из газеты. Надо побеседовать о делах». В глазах заморённой беготнёй по залу женщины метнулись тени беспокойства, и она сразу пошла звать своего начальника. Запах подгоревших блюд, сизый туман, ползущий с кухни в плохо убранный зал с облупившимися стенами и качающимися на хилых ножках обеденными столами — всё говорило о больших проблемах в несчастном очаге питания.

Минут через пять передо мной предстал невзрачный толстячок с красным вспотевшим лицом, постоянно утираясь несвежим платком.

— Вы ко мне? — его лицо и светлые водянистые глаза одновременно выражали жгучий интерес и какой-то тайный,

явно ощутимый, испуг. Было очевидно, что его предупредили.

— Да, здравствуйте. Я из газеты «Молодой дальневосточник». У нас много жалоб на питание студентов в вашей столовой. Надо разобраться, когда это безобразие закончите? Сегодня, да?

— Ну, конечно... Здесь бывает всякое..Давайте пройдем ко мне в служебку. И тут же наклонился к подбежавшей молодой официантке, что-то прошептав ей на ухо.

В его кабинете тусклые, засиженные мухами стены мало говорили о большом усердии и трудолюбии хозяина. Пока он оправдывался о трудностях общепита, за моей спиной в дверях прошуршала с подносом всё та же молоденькая официантка. Оглянувшись на вошедшую, я не поверил свои глазам — она внесла обед целого ресторанного меню, и уж никак не для местного общепита. Холод ненависти к проходимцу залил всю грудь, но пришлось сдержаться.

— В общем, сделаем так, — я старался глядеть не в его пустые отёчные глаза, а по правилам викингов, как-то поверх, туда, в начинающую плесневеть стену, — посмотрел Ваше грустное, небогатое меню, блюда. Их раскладочку Вы, конечно, не покажете. Да это уже не надо — и так всё ясно: недовложения, недовес продуктов, разбавленные напитки. По нашей проверке — Вам сутки на исправление недочётов. Если нет — послезавтра мы здесь будем с ОБХСС..» — И с этими словами постарался улыбчиво посмотреть в его

плеснувшиеся явным страхом глаза.

Для советской торговой и ресторанно-столовской системы **ОБХСС** (*отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности*) был настоящим пугалом. Нечто подобное КГБ, только в области питания малодовольных трудящихся СССР.

Уже закрывая двери неприхотливой студенческой столовой, я был натурально уверен, что ни завтра, ни в следующие дни сюда не придётся возвращаться — упоминание такого термина при моём отказе еды означало реальные проверки всего и вся в этом убогом очаге молодёжного питания. И как результат — в лучшем случае, срочное бегство виновного по собственному желанию в другое место. А в худшем, при явном упорстве завстоловой, его отсидка на конкретный срок. В органах буйно процветали планы раскрытия преступлений, а посадки торговых работников были для «ребят» в погонах, как медку лизнуть..

Появившись к вечеру следующего дня в редакции, сразу бросился к Люсе рассказать о своём посещении столовой.

— Эх, удивил ты меня, — она никогда так не качала головой, — твоё появление в столовке наделало такого шороху. Уже директор техникума звонил три раза, просил отменить проверки, они всё-всё до завтра сделают. Этого негодяя завстоловой мигом уволили по недоверию, и вряд ли его куда потом возьмут. Конкретную потрясuhu ты им устроил. Чего такого им сказал, признавайся? — улыбаясь во все свои

светлые глаза радовалась наставница.

— Да просто напомнил этому прохвосту, что есть ОБХСС, вот и всё, с облегчением вздохнул я, расправляя плечи.

— Ничего. Потрудился. Главному скажу, что проблема закрыта. А ты молодец, не растерялся. Поработаешь с нами годик-другой буду тебя «штатником» рекомендовать. А может и пораньше. Здесь трудно. Привыкнуть надо. Дело, в целом, очень интересное, но всё-таки суматошное. Не всем по нраву, и по плечу. Летом что будешь делать? — её внимательные глаза терпеливо ждали от меня ответа.

— Никуда не поеду. Буду к вам ходить. Если на село отправят, оттуда что-нибудь соображу, приеду или расскажу.

— Замечательно. Напиши о студентах, понемногу обо всём. Но сначала нужен материал о сессии в твоём институте. Подумай как, что, вообще рассказывай больше о студенческой жизни — ты же там свой. Ну, действуй». Её рука мягко коснулась моей, и я понял, что всё будет сделано, потому как было обещано моей прекрасной наставнице.

А уже через две недели действительно началась сессия, и я с невообразимой радостью бросился исполнять данное слово. Заметки, информация посыпались в редакцию почти каждую неделю. За каждую публикацию я уже чувствовал настоящую гордость пишущего на радость другим.

Прошло полгода. Мои журналистки с интересом приглядывали за моими трудами и уже время от времени ненавяз-

чиво намекали на более сложные материалы — очерки или статьи по какой-нибудь теме. И однажды Люся спросила напрямую:

— А почему бы тебе не написать очерк о своей семье — я слышала она у тебя очень большая, никогда такую не встречала — девять детей! Столько братьев и сестёр! Это ж целое сокровище! На твоём месте я бы точно давно написала о них. Чего теряешься? Будет трудно — поможем. Не переживай». И доверительно положила руку на плечо.

Прошла неделя. В один из сентябрьских дней я собрался с духом и почти целую ночь расспрашивал маму о нашей семье, а потом просидел остаток времени до утра над своим первым важным рассказом. Он потом войдёт главной частью в мою автобиографическую книгу, но тогда, в начале 70-х это было для меня настоящее открытие.

Утром занятий в институте не было, и я решился представить свой опус моим строгим контролёрам. По счастью, работы у Люси оказалось немного, и она, присев в своём уголке, принялась читать, иногда глубоко вздыхая. Закончив читать, она подошла ко мне и слегка дрожащим голосом сказала:

— Ты просто не знаешь, какая героическая у тебя мама. Удивляюсь, вам завидую немного, даже так. Всё это здорово, чуть-чуть поправим, часть сам допишешь, и завтра же в номер. Выйдет на половину полосы! Главный радёшенек будет — такого материала о многодетных семьях у нас отродясь

не бывало. И кто его сделал? Свой «нештатник»! В общем, иди дорабатывай. Допишешь здесь и здесь, — указала пальчиком на места текста, — да смотри, не подведи. Ждём завтра к утру».

В редакции газеты «Молодой дальневосточник», 1971

2.

Окрылённый больше искренним теплом новых коллег, чем похвалой, просидел над материалом весь вечер, и уже утром текст был на столе редактора. А через день мой первый очерк был опубликован. Я с радостью отослал его вместе с номером газеты своему старшему брату-инженеру Во-

лоде во Владивосток. Он очень заботился обо мне, может даже больше, чем отец, всячески наставлял меня всему самому хорошему и полезному в жизни. Общение с ним было мне гораздо ближе, понятней, он сам перенёс в судьбе множество испытаний, скорее всего, потому и хотел, чтобы мои дела шли гораздо успешнее.

В наступившей летней сессии пришлось делить время между сдачей экзаменов и выполнением данного слова — писать заметки об этой горячей поре. Получилось с полдюжины коротких материалов, которые охотно публиковались, а потом писал уже о «третьем» трудовом семестре.

Перечитывая сегодня газетные вырезки с «жизнерадостными» рассказами о тех днях, думаю, что всё же многому научился, взяв от людей доброе и светлое. Последний материал тех дней был очерк о провизоре одной из аптек. На закате августа, когда все сотрудники редакции разбежались в отпуска, Люся предложила мне идею — поработать в аптеке и написать очерк о людях этой профессии. Было необычно, и как-то неловко — я ведь не имел образования фармацевта. Но она объяснила, что договорилась с аптекой, и я буду там работать, как практикант.

— У нас появилась рубрика «Расскажу о хорошем человеке», — загадочно улыбнулась Люся, а ты будешь первым рассказчиком. О продавцах, рыбаках, да прочих уже всё известно, там жуть как перетоптано, знаю. А ты об аптекарском деле слышан, да и медиков у тебя в семье пруд пруди, так

что это дело твоё, не вздумай отвертеться!» Под её взглядом отказаться было просто невозможно.. Теперь дело оставалось за малым — найти аптеку. Она встретила мой вопросительный взгляд.

— Вот адресок, — её горячие пальчики скользнули мне в ладошку, — далеко, правда, но ты найдёшь. Если меня не будет в редакции, весь материал сдашь Ольге в отдел писем. Ну, давай, трудись, мне ещё в крайком комсомола забежать надо» — и лёгкими шагами пошла к выходу.

Двинулся и я. Прямо в краевое аптечное управление. В отделе кадров показал удостоверение нештатного корреспондента (всё-таки контора официальная), и спросил о звонке насчёт меня.

— Да, о вас просили. Если хотите поработать, езжайте в 138-ю, это небольшая аптека прямо возле «политеха». Коллектив там хоть и небольшой, молодой — всего два года работает, но уже показал себя с очень хорошей стороны». Сорок минут тряски в душном автобусе, и вот я на месте, в настоящем царстве лечения. Но маленьком. Здесь не только лекарства продают, но и делают — растворы, мази. В основном простые лекформы. Иногда порошки. Было таких много в советское время. Таблеток мало, а порошки расхожий удобный материал — открыл маленький складной пакетик и в рот..Запиваешь водой. Просто и сердито. Действует внутри сразу. Как химик поясняю, чем больше мелкого порошка, тем активней фаза действия средства...

Зашёл. Огляделся. Небольшое помещение. Уютно. Девушка в высоком белоснежном колпаке за стеклом поинтересовалась:

— Вы за лекарством? Вам что-то нужно?

— Да, нужно. С вами поработать недельку-другую. Вам уже звонили из управления насчёт практиканта?

— А так это Вы? Проходите, — и приоткрыла двери за стойку. — Вы халат принесли или дать наш? «Во, дела, как-то не подумал, что надо принести свою спецодежду, — крутанулось в голове. Пришлось переодеться в служебное одеяние. Халат оказался немного тесноватым, но терпимо.

— Давайте знакомиться, Нина Железнякова, — ладошка девушки прохладной рыбкой скользнула в мою ладонь, — работать вам придётся немного — только продавать готовые лекарства. Где, что лежит я вам покажу. Если что непонятно, обязательно спрашивайте. Хорошо?»

С этими словами она прошла на своё место у кассы, а я стал изучать устройство мира средств поправки здоровья. В этот день посетителей было немного, и Нина занялась приготовлением лекарств — ассистент не пришёл на работу. Пришлось встать за прилавок и обслуживать покупателей, пока Нина готовила лекарства.

В рабочий перерыв, сидя за нехитрым обедом, она призналась: «Мы так всегда помогаем друг другу, Альбина тоже провизор, хорошо умеет готовить лекарственные формы. Иначе никак. В этих краях вот уже восемь лет живу, приспособ-

собилась. Порою вспоминаю свой Север, Архангельск..Но привыкла. Здесь так похоже на наши северные места, что кажется я и впрямь дома. Вот вчера вы не появились — а у нас был настоящий праздник. По управлению заняли второе место. Сам начальник приезжал грамоту вручать. Ну и конвертик премиальный само собой. Оно так приятнее. Грамота что, любоваться на неё только или в сундук какой ни-то положить? А на премию что-нибудь хорошее куплю. Или лучше к маме осенью в гости поеду. Давно её не видела».

Синие глаза Нины слегка увлажнились, и стало понятно, как всё-таки сложно жить вдалеке от родных и близких. Мне и не подумалось, что вскоре тоже предстоит испытать подобное..

Я не спрашивал Нину о трудностях, людях, ищущих помощь у неё, чувствуя что вот-вот она сама станет рассказывать о своей работе. И в этом не ошибся. Подождав несколько мгновений, она откинулась на спинку стула, мечтательно прищурила красивые глаза:

— Всё думаю, если бы люди ничем не болели, то и нас бы тут никак не было, — Нина вертела пальчиками бумажную сигнатуру от лекарства, — на неделе рано утром, только пришла на работу, бабушка лет 70, сама еле ходит, но пришла, просит позвонить по 03. Дома-то телефона у неё нет, внук всю ночь температурил, даже бред был. Соседи не отозвались. Или не захотели, либо дома не было. Ну я быстро и вызвала «скорую», проследила, чтобы всё сделали, как надо.

К нам врачи ещё относятся более прилично. Всё-таки одна система — лечащая. Как тут людям отказать? Живут рядом, все на виду. Как в природе. Веруют лишь в надежду! Давно это поняла».

На её лице светилась счастливая усталость от минувшего дня, от искреннего ощущения того, что помогла хотя бы одному, кто нуждался в участии, помощи.

— Нина, а как ты стала фармацевтом? — мой вопрос не застал её врасплох, словно ожидала его. Она ответила задумчиво: «Помню после второго курса медучилища нас послали на полевую практику — в тайге разные травы изучать. Есть такая дисциплина фармакогнозия. Под ногами роса — бриллиантами переливается. И много цветов. Признаюсь, столько не видела за свою жизнь в природе. А нам надо было собирать гербарий, травы сушить, изучать. Вот тут то мне и подумалось: ведь ещё издавно люди применяют растения, чтобы лечить разные болезни. Ведь в травах под ногами — целое богатство. Настоящий мир лекарств. Тогда-то и решила посвятить себя тому, чтобы это волшебство сохраняло людям жизнь, возвращало радость».

Слушая её тихий, уверенный голосок, с радостью думал, что если лекарствами занимаются такие люди, как Нина, то и болеть всем придётся меньше.

Те мысли были конечно фантастикой, но тогда, более полувека назад, мы думали о болезнях и их лечении совсем по другому.

Большой очерк о работе в аптеке был сдан в редакцию, и я снова окунулся в бурную студенческую жизнь. Через несколько дней, придя в редакцию, узнал что мои искренние, деятельные наставницы уже там не работают. Люся уехала в Калининград по каким-то личным делам, и заведомо писем стала теперь другая журналистка. Ольгу Рыжакову отправили в длительную командировку аж во Вьетнам чуть ли не под угрозой увольнения, но большого соблазна — после этой поездки ей пообещали работу то ли в Москве, то ли в Ленинграде.

Новые знакомства в редакции я заводить не стал — это было не по мне, потому и решил предоставить такое дело времени..

Свято место пусто не бывает, и однажды в коридорах корпуса исторического факультета, куда я частенько заходил в потоках искреннего природного любопытства, меня остановил один из его преподавателей, В.В.Нахтман, читавший у нас курс философии:

— До меня дошёл слух, что вы затеяли что-то написать по средневековью? Обязательно найдите и почитайте «Молот ведьм». Классная иллюстрация тех времён..Напишите вещь, дайте обязательно прочесть. Хорошо?» И пошёл дальше.

Изумлённый его напором, я долго размышлял, откуда могла протечь информация о моих попытках рассказать про Джордано Бруно, над работами которого я засиживался в библиотеке спецхрана института. Узнав, что я неплохо фо-

фотографирую, местные библиотекари частенько использовали меня для фотосъёмок своих стенгазет и всяких книжных выставок. Ну, а я по взаимности, обещая никому не болтать, выпросил чтение специальной литературы в кабинете для преподавателей — кандидатов и докторов наук. Там оказалась масса книг, заказанных для профессуры, и диковинных для меня, и, как оказалось по тем временам, запретных для студентов. И я понял, откуда «протекла» информация для доцента В. Нахтмана.

Именно там, и в тот же день, как нарочно, меня встретила редактор институтской многотиражной газеты (такие были в каждом советском вузе) Н.С.Гулянская, которая немедленно предложила мне написать материал в местную газетку.

— О вас говорят много: пишете в газеты, фотографируете, — обратилась она ко мне, — помогите и нашему изданию. У нас так мало материала, приходится почти всё делать самой». И умоляюще посмотрела на меня. А я согласился... Времени было хоть отбавляй, книжки нужные лежали под рукой, дело пошло.

вижу тьму, мраж, неси и
кнут...
В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

ПЛАМЯ НА

В ВЕКАХ ГОРЯЩИХ СТОЛПОВ КАМПО ДИ ФЬОРИ

ДО КАЗНИ оставалось всего с些 дней. Его не подвиз больше на допросы и пытки. Но в это утро порог камеры Джордано преградили два инквизитора, которых он не ждал: генерал ордена Доминиканцев Беккария и прокуратор Иларен. Не доверяя отзывам из Святой службы, и для ускорения дела, они решили сами судить еретика и расказнию. Но напрасно. Бруно с горечивостью, как на диспуте, и все с той же твердостью в голосе, снова и снова доказывал свое, оставаясь глухим к увещаниям. Отступившись от него, они ушли, так и не закончив беседы...

Сталки в коридоре шаги. В окно камеры заглядывало солдское утро. Вчерашний дождь ушел за горизонт и уже отсюда грозил косматыми занавесами. Горючим свином алылась а тело Джордано тоска по небу... Сколько он не видел солнца! Нолажен отнял руки от постели прутьев решетчат. Прислушался. Шарканье ног по гранитным плитам приближалось...

Шестеро солдат во главе с prefectом правили Бруно во дворец кардинала Мадруши, где все время проходили заседания святой инквизиции, а в подвалах мучили смертников. В духот Ноланца на мгновение остановил тухловый запах...

чтобы насладиться пытками. Джордано — окатившись из колодез. В расклеванных дверях зала показались татарские инквизиторы. Адриан Филемий и четвероугольный шлем и фиолетовой мантии — одежия святого суда. Размывру обещания руками пергаментный свиток, высокий, неестественно прямой, упиравшись согнувшимися своими плечами, он сыскал глыбу из Бруно, стоявшего из коленях, и принялся читать. Солдаты янских гвардий в испанских шлемах, держа огромные даурющие мечи и аркебузы, толпились сзади него. Кардинал и его санта привалялись на боковые, проклятием, осуждаем... — то громче, то притивная гласность интал нотарий, успеваая бросить взгляды в глубину зала, где замерли придворные. Всея, казалось, приваляла желвакая латыня приговора, и слова падали в гробовую тишину.

У Ноланца гулко кололосилось сердце. Оно будто зашлось в своей невинности к этим жукам в рисах, мантинках золотой латы. То, что так долго добивалась инквизиция, преследуя Джордано, было ею достигнуто: теперь закончилось пририваляясь перелазной еретика в руки свистящих...

мало осужденного закончена. И тогда в зловещую тишину нотария громко влетела мысль Ноланца.

— Вы с большим страхом объявляете мне приговор, чем я заслуживаю его.

Снова адля из башни тюрьмы. То ли Нона заглядывает мрачную процессию. Инквизиторам мала одного приговора — здесь, прощая, проклятию его имя, инквизитор срывает специальным инструментом кожу с большого и указательного пальцев, а сорвав с него свисающие одежия, уничтожает следы татуировки...

ПРИШЛО последнее утро. После отнятия еще одного Джордано, длинная процессия монотон в высоких каменных с прохладой для глаз медленню вышлала из тюремных ворот. В первый в последний раз Бруно шел в сердце между плачущим и неги его твердо ступали по скользкому булыжному мостовой. На зме вышала обильная роса и мучилась сонная каменья падали на колесничные колеса Ноланца.

Тогда, в Лондоне, был настоящий бой... Он усмехнулся, инквизиция «Плю на плеч». Если придется Ноланцу узнать в католической римской мессе то вышало даже средь бела дня, в свете факелов не было недостатка... Дунал ты же, когда вышлала эти строки, что они так быстро облетели...

залились факелы и вышлала ерети в руках закованных, гонимых, но несут мученика.

В этот вечер не успели вышлала своим голубициным ремнем, его явля зажали в деревянные тиски, а затем, сорвав с Ноланца расклев, вышлала на него мерзостные зубные сабелоты — кусок алытого холста, пропитанный серой и разроснованный алупущими мертвыми и языками пламени. Торюлись, прикутывая желвакую цепью в мокрой перелазе, чтобы услышать его боль, так как мокрая перелаз, вышлала, алылась а тело...

Книги Джордано сжались к его ногам, и стали разводиться огнем. Стены намертво на глаза Ноланца: она сожгут книги, тело, но алел... никогда...

И вот, огонь подбавляется к ногам, лжлет колени. «О, зло, зло, разве вы не видите, что нельзя, никогда нельзя остановить человеческую мысль, заставить истин...»

Сквозь стену пламени к его лицу кинулся на длинном шесте крест святого распятия, и Бруно последним усилием, свернувшись глазами, отвернул обожженные губы.

Гулко скорбел колокол на шпилье св. Агнессы. Небо меркло.

А когда стало слышно, черные дыры не смог заткнуть яр...

Очерк о Джордано Бруно (газетный вариант) 1973 г

Через неделю я принёс к ней в кабинет сразу несколько материалов — очерк о Д. Бруно, литературную зарисовку о подвиге советского лётчика и заметки о студенческой жизни. Осмотрев всё это, она произнесла:

— Вы молодец, обязателны очень. Нам этого на несколько номеров хватит. Ну, что, будем сотрудничать?»

Деваться было некуда, пришлось согласиться. Всё же это имело одну положительную и важную сторону — с её литературными советами я всё более и более учился мыслить и писать свободно, словно разговаривать со своими героями.

Промелькнули последние месяцы учёбы, впереди намечалось распределение по местам работы, и с напряжением ожидаемая бурная деятельность самостоятельным учителем в глухой-глухой деревушке-леспромхозе на бескрайних просторах лесного края.

п. Победа (Хабаровский край) 1976 (личный архив)

Была жуткая уверенность, что мне припомнят открытое несогласие поработать на партком института, когда нужно было написать несколько хвалебных статей о кандидатах в депутаты. Так оно и случилось — на итоговой комиссии по распределению под молчаливым давлением секретаря парткома Е. Думчевой, меня преднамеренно отправили именно в такую леспромхозовскую школу, лишь по карте стоящую

недалеко от краевого центра. Хотя как хорошо успевавший выпускник я имел право выбора места назначения.

Добраться туда летом можно было только петляя шесть-семь часов по реке на «Метеоре». Тогда ещё ходили по воде особенно быстроходные посудины на подводных крыльях. Или, не боясь рухнуть с высоты в бездонные трясины, рискнуть при хорошем здоровье на яркий полёт в «кукурузнике» АН-2, в котором очень редкого пассажира не укачивало до поросячьего состояния. В одном из таких полётов пришлось спасать старушку, которая умудрилась уговорить пилотов лететь в посёлок вместе с любимой козой..

Зато лететь туда было всего ничего — 3.5 часа, умильно наслаждаться видами зелёной тайги и чудовищно необъятных болот сверху. Зимой же в этот глухой леспромхоз была только одна дорога-автозимник, для местных короткая, в 57 километров, но опасная — по замёрзшим болотам и рекам Тунгуска, Кур.

Посёлок Победа десять послевоенных лет являлся местом ссылки бандеровцев, власовцев, «лесных братьев», бывших полицаев, и прочих негодяев, отребья войны, которые ради своей свободы бойко трудились на лесоповале, вывозя добытый лес по узкоколейке в порты Ванино и Николаевск для продажи его государством за валюту в Японию.

Прекрасным золотым сентябрём начались мои первые уроки в небольшой поселковой школе на берегу дальневосточной речки Кур. Когда отец узнал, в какое место меня на-

правили работать, он как-то непонятно усмехнулся:

— Дак, это Кур-Урмийской район, стало быть..Знаю, знаю, бывал в тех местах». Но что именно хотел сказать, я тогда так и не услышал. Он часто говорил одними загадками, над которыми приходилось ломать голову, и лишь потом выяснилась истинная причина сказанного — через этот район шла дорога, по которой водители лесовозов, и он был среди них, рискуя свободой, пряча среди брёвен, вывозили в Хабаровск беглых строителей Комсомольска-на-Амуре..

К моему приезду квартира сельского учителя оказалась ещё не готова. Местный начальник — директор леспромхоза шибко не утруждал себя помощью школе, а у директора, Эдуарда Артёмьевича, веснушчатого и растрёпанного во всём господина, раскалённых дум в его непричёсанной рыжей голове и без меня хватало. Поэтому я и остался без жилья — уезжавшая молодая учительница раздражённо бросила мне в ладони ключи:

— Если вам понравится такое убожество, так и оставайтесь. А с меня хватит, наелась «завтраками» досыта». И быстро пошла с сумкой на берег — ожидался очередной «Метеор» в город. Зайдя в однокомнатную квартиру с печным отоплением, сразу понял, что без ремонта не обойтись. С чем я и пожаловал к директору.

— Ну, видишь, Михаил, новый учебный год начался, потерпи месяц. Пока поживи на частной хате. Адресок дам. Это совсем недалеко от школы. Бабулька берёт немного —

всего пять «рэ» в месяц. По рукам?» Его напор пока подействовал. И я от безысходности согласился подождать. Было сравнительно тепло. Как и везде в крае, стоял солнечный, просто янтарный сентябрь. Без нудных осенних дождей и болезненной сырости. Воспитанная неприхотливость и здесь сыграла свою роль — меня быстро уговорили.

А ведь можно было по-честному уехать, если чисто формально предъявлять требования. Не предоставили жилплощадь — по закону имею право не приступать к работе и свободно вернуться в город. Но тогда я был законопослушным паинькой, и не старался «выбивать» для себя условия. Хотя бы человеческие. У бабульки на «хате» я прожил около месяца, и потом въехал свою многострадальную квартирку. В октябре привезли дрова, но я по привычке топил прошлогодними, хотя сосед посоветовал использовать и свежие:

— Сухие спалишь, сырьём не согреешься!» И действительно, свежие дрова не столько грели, сколько дымили, долго не разгораясь. Но я и не подозревал, что всё это временно..

Уроки шли неплохо, но что-то в поведении начальников меня настораживало — их первоначальная лёгкая доброжелательность быстро сменилась на прохладное отношение, а потом оно вообще стало официальным. Тайна раскрылась быстро — я не отпускал детей с урока на уборку картофеля на огородах обоих завучей. Начались придирки по мелочам, назойливые нотации по поводу «взаимопонимания».

И однажды, встретив как-то в коридоре после закончив-

шихся уроков, директор пригласил меня в свой кабинет и прямо сказал:

— Знаете, Михаил, у нас тут свой тесный мир сложился, свои отношения. Вам как-то надо или привыкнуть и войти в них, ну или..» — и не закончив фразы, выразительно посмотрел на меня.

— Хотите сказать, что снимать детей с уроков и заставлять копать картошку на личных огородах это законно?

— Ну я бы так не обострял..Раз так сложилось здесь, стоит ли это рушить?» И тут во мне вскипело: «Я буду проводить уроки так, как это требуется по расписанию». Похрустев пальцами, директор помолчал, внимательно разглядывая меня в ожидании ещё какого-либо ответа. Не дождавшись, почти равнодушно сказал: «Ладно, идите. Потом как-нибудь вернёмся к этому вопросу».

Дома я не мог долго заснуть, вспоминая рабовладельческий мир и его разные причудливые страшилки..

На октябрьские праздники физрук Володя пригласил к себе на посиделки: «Рыбки свежей отведаем, праздник отметим как надо, не по-директорски». «А это как? — спросил я недоумевая, — у него что, свои особые правила?»

— Конечно. Вы человек новый, вижу, наивный, знаете о таком мало. Потому с вас и спроса нет большого. Тут как в столицах — есть низы, и есть своя «знать», аристократия. У кого власть, у того и сила, деньги. Если здесь задержитесь, придётся вам точно выбирать, с кем по дорожке идти. Уже

слышал как с верхушкой нашей поцапались. Будьте осторожны. Ведь они всяко отомстить могут. Мелко и подло».

На сердце сразу стало как-то холодно и колко. Я не очень переживал за случившееся, но напряжённая с непривычки работа по 8—10 уроков подряд в день дала о себе знать. В дополнение к моим основным предметам, меня нагрузили географией и уроками природоведения в начальной школе — учителей катастрофически не хватало. Эдик-директор вместе с завучем решили на моих костях всё-таки выполнить учебную программу.

Но природа не позволила. С сильной болью в сердце меня отвезли в местную больничку, где подвыпивший доктор поставил мне страшный диагноз, с которым я, оказывается, тогда не мог бы прожить и часу. На следующий день перепуганный Володя пришёл с женой в палату навестить меня, угостил обедом и сказал, что директор страшно обрадовался — появился повод избавиться от меня, списав по болезни строптивного специалиста — выпускника. Тем более, что по слухам, он уже заранее пригласил из города на моё место свою родственницу, которая сидела без работы уже который месяц.

Через несколько дней меня быстренько выписали и отправили на обследование в кардиологическую клинику города, где доктора почти ничего не нашли, страшно удивлённые таким диагнозом, и, успокоив меня, отпустили домой подобра-поздорову.

Позвонив в школу директору и объяснив ситуацию, услышал его объяснение, или даже совет — в посёлке не появляться, потому что там уже найден хороший учитель на моё место. Так что Володя был прав со своими предположениями, а я во мгновение ока стал свободным от всяких школьных обязательств. Очередным незаметным советским безработным..

Съездив в посёлок за оставшимися вещами, вернулся в отчий дом и задумался о будущем. И снова судьба подарила лихой момент вернуться в журналистику. Однажды на улице, буквально чуть ли не на столбе, прочитал уже обветшавшее объявление, в котором Хабаровской студии телевидения требовался «звукооператор». Это был шанс! На следующий день я был на месте, и меня безо всяких условий приняли в группу кинооператоров ассистентом.

Но одна странность при таком молниеносном оформлении всё-таки была — симпатичная белокурая кадровичка открыто поинтересовалась: «У вас с этим делом как?, — и провела слегка рукой по своей шее. Мой страшно удивлённый взгляд её быстро устроил. Она даже улыбнулась: «Хорошо. Идите, оформляйте пропуск». И надо же было так случиться — в длинном коридоре телестудии сразу встретил своего одноклассника — Сергея Нагорского, давно работавшего здесь инженером-радиотехником. Пообщались, он был очень рад этому.

Через полмесяца, поглядев на мою работу и прознав моё

газетное прошлое (был сам виноват -как-то проговорился в одной беседе с кинооператорами), мне стали поручать самостоятельные съёмки сюжетов. Но на самые важные мы ездили целыми группами, если нужно было интервьюировать несколько персон.

И такая поездка состоялась в конце февраля 1977 г., когда в наш город приехала команда советских фигуристов по пути на чемпионат мира в Японию. Из самых известных на встрече мы увидели Владимира Ковалёва, Елену Водорезову, их главных тренеров Станислава Жука и Елену Чайковскую.

В тот день, придя на работу, встретил всех в большой тревоге — нужно было ехать на важные сюжеты, а почти ничего не готово — ни плёнки, ни хороших камер. Наконец добрались до Дворца Sports, где предстояло снимать фигуристов и делать большие интервью. Мне как бывшему педагогу доверили беседовать с Еленой Водорезовой, но потом режиссёр сюжет переиграл и интервью с нею делал другой журналист — Евгений Волков. Мне поручили фотосъёмку и аудиозаписи фильмов. Однако, выбрав момент, я отснял всех участников встречи и ещё поговорил с ними, записав на журналистский магнитофон.

*Елена Водорезова на интервью с Евгением Волковым.
(Хабаровск, февраль 1977 г) (личный архив)*

Мы ещё не знали, что берём интервью, беседуем с будущими чемпионами мира, и там, на льду хабаровского Дворца Sports уже впечатляла их уверенность в себе, почти физически чувствовалась особая внутренняя твёрдость, которая не могла позволить победить их другими соперниками на льду.

И то, как они общались с нами, без тренеров, говорило о их простоте. Особенно Елена Водорезова, девочка с

бантиками и серьёзным взглядом. Хотя на прокатываниях, которые мы видели, она оставалась сама собой — радость от удачи, тени недовольства и неприкрытого смущения от невыполненного задания её «железного» тренера, Станислава Жука.

Потом, в Японии Елена сенсационно выиграет произвольную программу, исполнив 3 тройных прыжка (два тулупа и сальхов) и два двойных акселя, однако предвзятое судейство в обязательных фигурах не позволило ей претендовать на какие-либо медали, и Станислав Жук, у которого она усердно тренировалась, примет выступление любимой спортсменки лишь на свою совесть.

У Елены Чайковской была очень сложная задача. Она везла на чемпионат мира своего нового ученика, Владимира Ковалёва. Ещё раньше, вместе с Т.А.Толмачёвой, она блестяще подготовила его к чемпионату Европы в январе 1975 г., на котором он и победил, став первым советским чемпионом Европы в мужском катании. И теперь, как я понял, возлагала на него весьма большие надежды. Ковалёв очень удачно выступал в обязательных фигурах, создавая преимущество, но в произвольных программах был менее стабилен. Отлично владел тремя разными тройными прыжками («тулуп», «сальхов» и «риттбергер»). Она даже рассказала, что для лучшего чувства льда Володя придумал и использовал уникальную заточку коньков: на лезвии было три желобка вместо обычных двух. И добавила: «Я всегда старалась со-

здать для него яркие по постановке программы и интересные костюмы, потому что была совершенно уверена в его победе».

Тренер Елена Чайковская и Владимир Ковалёв перед интервью во Дворце спорта (Хабаровск, февраль 1977 г. личный архив)

На мой вопрос, что вы чувствуете, когда ваши ученики выигрывают, побеждают на льду, она вдумчиво ответила: «После того как ты выиграл, и это всё прошло, ты уже со-

всем ничего не чувствуешь, не испытываешь никакой радости. Ощущаешь такое опустошение, что сердцу как бы всё равно. Но знаю, это не так..Хотелось торжествовать, уйти куда-нибудь, скрыться, куда-то заползти, и наедине сама с собой порадоваться».

Пока мы беседовали с Чайковской и фигуристами, наши режиссёры терпеливо ожидали другого выдающегося тренера — Станислава Жука. Время шло, нужно было брать у него интервью, монтировать сюжет, срочно выдавать его в эфир, а он всё не появлялся. Уже когда всё почти было сделано, мы увидели его шатко ступающую по льду фигуру.

Его неуверенность в движениях, помятость лица, несколько смутила наших кинооператоров, и, задав ему всего два или три вопроса, они просто предложили сняться выдающемуся тренеру на фото с нашей группой. Пошучивая над всеми и дожёвывая остатки лимона, он согласился, и мы быстро выстроились на льду катка.

Станислав Жук с группой кинооператоров Хабаровской студии телевидения, 1977 г (фото автора, личный архив).

Уже тогда я почувствовал, что в этом сильном человеке зреет большая беда. Было видно, что он не может обойтись без допинга. Только потом, по прошествии многих лет стало известно, в каких условиях приходилось ему работать со своим сложным, а порой и тяжёлым характером.

Из-за регулярных, весьма бесчисленных жалоб окружающих спортсменов и чиновников от спорта, Станислав Алексеевич был вынужден работать под давлением, справляться с которым помогало пристрастие к алкоголю. Ученики вспо-

минали, что он мог прийти на тренировку нетрезвым, и это только усугубляло его проблемы.

В 1983 году Спорткомитет СССР отстранил наставника спортсменов от работы со сборной из-за «систематического нарушения морально-этических норм поведения» и снижения уровня подготовки фигуристов. А ведь тогда ему не было ещё и пятидесяти лет.

А три года спустя, в 1986 г., прославленный тренер лишился и работы в ЦСКА. Хореограф **Марина Зуева**, работавшая с бывшими учениками Жука, и юная фигуристка **Анна Кондрашова** написали наверх, в ЦК КПСС письмо-донос с обвинениями тренера С. Жука в аморальном поведении. Письмо подписали многие известные фигуристы, но почему-то никакие доказательства ими представлены не были. На защиту Станислава Алексеевича встала только **Елена Водорезова** — она написала ответное заявление, в котором развеяла все сомнения относительно Жука. И когда он прочитал её письмо, то заплакал. Правда, это не уберегло легендарного специалиста от увольнения из ЦСКА.

«Станислав Жук был выдающимся человеком, абсолютным бесребреником. Но он выпивал, и это сложно нам понять. Все его проблемы пошли от выпивки. По-моему, он до 40 лет вообще не пил, даже не знал, что это такое», — рассказывала в одном из публичных интервью Татьяна Тарасова.

В 1998 году Станислав Жук попытался вернуться в сбор-

ную России, мечтая восстановить тренерскую работу, но 1 ноября его не стало. По дороге на встречу с болельщиками легендарному тренеру стало плохо с сердцем. Попытки оказать первую помощь не увенчались успехом, а «скорая», приехавшая только через 40 минут, лишь констатировала наступившую смерть. Один из культовых тренеров советской эпохи, чьи ученики завоевали 138 медалей на крупнейших турнирах мира, в 63 года умер от сердечного приступа на ступенях метро.

После съёмки сюжетов с будущими чемпионами мы целый месяц ходили по студии знаменитыми. Но меня угнетало одно, не очень хорошее явление — после каждой поездки кинооператоры тут же сбрасывались на застолье и выпивали прямо в операторской, запираясь на ключ.

Руководство студии об этом прекрасно знало, но ничего не могло поделать — сюжетов для выхода программ в эфир снимать надо было много. А увольнять высокопрофессиональных мастеров киносъёмки выходило себе дороже. Всех уволишь, а кто сюжеты классные снимать будет? И «операторы-мужики», как они себя называли, этим прекрасно пользовались, по пьяной лавочке выкладывая все тайны своей «тяжкой профессии».

В их компании я оказался настоящей «белой вороной». Коллег всё больше и больше раздражало моё неучастие под разными предлогами в их «дружеских посиделках». Однажды, после работы, в очередной раз пригласив меня «разде-

лить сто капель», они крепко обиделись, когда я вспомнил о случае с кинооператором Мазуркевичем, пришедшим со скандалом домой после недельного запоя, и в психическом припадке переломавшем в квартире всю свою хорошую мебель «в поисках подслушивающих микрофонов ЦРУ». Жена вызвала медбригаду, и его отвезли в клинику с горьким диагнозом «белая горячка».

Случай был совсем свежий, о нём все коллеги старались не вспоминать, а я, оказывается, наступил на больную мозоль. Уже при выходе из студии меня догнал один из операторов и сказал, как бы извиняясь: «Михаил, мужики недовольны. Мы успехи съёмок отмечаем, а ты, вроде как нет. Чего тебе не хватает? Они считают, что не сработаются с тобой и сказали, что на съёмки брать больше не будут». Внимательно посмотрев ему в глаза, я сказал: «Спасибо, понял», — и спокойно пошёл домой.

На следующий день я перешёл на работу в краевое радио. Там оказалось гораздо проще — мне нужно было одному отвечать за свою работу репортёра. Получал задания на интервью, часто искал сам городские и человеческие сюжеты, темы. Больше бегал сам. И как ни странно, стал зарабатывать больше — моя минута в эфире стоила больше, чем операторский час на телестудии.

Дом Радио в Хабаровске (фото Интернет).

Два — три «эфира» по двадцать минут были моей зарплатой за месяц..Но эти передачи надо было хорошенько готовить. Так прошёл год. А в 1978 г. отец уговорил меня проведать свою сестру Екатерину, мою тётю, в Куйбышеве — она написала слёзное и жалостливое письмо, попросила его о помощи, чтобы кто-нибудь из родственников приехал, побыл рядом с нею. Мне не хотелось оставлять маму, я реально предчувствовал, что если улечу, так больше её и не увижу, но она, расстроенная всей этой историей, всё таки прошептала: «Поезжай, сынок, раз такое дело. Я тут тебя постараюсь дождаться». Не дождалась. Тяжёлая болезнь унесла её на следующий год. Я едва успел прилететь на её похороны.

Спустя время, в 2005 г., через год после участия в возведении своего Спасо-Преображенского собора у Дома радио, из жизни ушёл младший брат Саша, передав мне память всех замечательных лет, соединяющих нас во времени.

А я снова оказался один на западе огромной страны.

И всё же возвращение к родному дому было неизбежно. В 80-е годы я несколько раз прилетал на свою малую родину увидеться с братьями и сёстрами, кто ещё работал, помнил многое. И в одно из этих посещений я оказался на самом краю страны — не только на берегу Тихого океана, но на самой её границе. Это случилось в 2018 году, в 80-ю годовщину событий на озере Хасан. Тогда, более полувека назад, японские милитаристы попытались попробовать на прочность русские рубежи и нашу готовность отстаивать до последней пяди. По всей стране отмечалась эта дата и местные власти даже устроили выезд ветеранов тех событий на места минувших боёв.

Узнав об этом, решил воспользоваться своими старыми знакомствами на Хабаровском краевом радио и получил служебную командировку к месту событий с репортёрским заданием.

Озеро Хасан — вечные раны времени

оз. Хасан-рубежи трёх государств: России, Китая, Кореи (фото Интернет)

В середине июля 2000-х г я выехал в Приморье, где жила моя вторая старшая сестра Елена. Она работала детским врачом участковой больницы в небольшом посёлке Славян-ка, вблизи озера Хасан. И мне подумалось, что она вполне может составить неплохую компанию в моей журналистской поездке. Потому что наш отец, шофёр на «гражданке», неза-

долго до хасанских событий был призван в армию, и определён водителем грузовика «ЗИС-5» в БАО (батальон аэродромного обслуживания) одного из лётных полков в тех местах. Ещё и потому, что однажды мне писала, как часто проводила медосмотры детей офицеров-пограничников Посьетского погранотряда. Значит многие из них её хорошо там знали.

Так оно и получилось. Едва я заикнулся о поездке на Хасан, она сразу поддержала меня:

— Отец там воевал. Уж сколько раненых вывез из района озера, боялся и сказать. Вспоминал, так страшно было, что только водкой и спасался, потому как спать не мог месяца два после этого. Говорил, что «вода возле берегов озера вся красная от крови была. А уж сколько танкистов горелых на узеньких дорогах вдоль озера потом после боя находили, ужас. Те две сопки, Заозёрную и Безымянную генералы приказали штурмовать в лоб, чтоб, значит, китайской границы совсем никак не переходить.

Все эти, быстроходные, лёгкие БТ-6, японские пушки с тех высоток жгли сразу. Останки найденные хоть как-то похоронили, а сколько солдатиков утонуло, никто и не считал. Да и не собирались. Вроде, как победили, и всё тут». И от себя прибавила любимое: «У костра до утра всё и не обскажешь».

У советского лёгкого танка Т-18 30-х гг. п. Славянка (личный архив).

Туманным, жарко-душным летним утром я ехал к ней в Славянку. Паром из Владивостока шёл неторопливо, оставляя за кормой пенные гребни изумрудных океанских волн. Небо сочилось жиденьким дождём, морскую солоноватую изморось перебивал терпкий ветер с сопредельной стороны — то ли из Китая, то ли из Кореи. На причале меня никто не встречал, видимо все были заняты, да и дорогу к своей серенькой пятиэтажке Елена объяснила довольно хорошо. За пятичасовым чаем посидели, повспоминали всех своих

ушедших братьев и сестёр, а наутро решили уже ехать — я не опоздал.

Служебный автобус поликлиники отправлялся сначала в Краскино, а потом в Хасан, посёлки, расположенные неподалёку от озера. Врачам предстояла жаркая работа практически на колёсах: медосмотры, профилактические прививки местным детям.

— А у тебя в погранзону пропуск-то есть? — спросила она, — туда без такой бумажки не пропустят. Хотя у меня есть знакомые офицеры с погранзаставы, но всё равно, потребуют. Я-то по службе еду, а ты?».

— Я тоже по службе, — и гордо показал удостоверение, «командировку» с пропуском.

— Да, серьёзно подготовился, — удивилась сестра. — Меня тоже просили там поприсутствовать, что-то намечается, ветераны приедут, надо будет присматривать за ними. Опять придётся осмотр детей на потом оставить и заночевать. Ночи в посёлках не смотри, что лето, сырые, холодные, даже хуже чем у меня в Славянке. Болот вокруг много, да и океан ветром, волной, ветром бьёт. Тайфуны лихие».

Поднялись утром рано. В старенький, выдавший виды, «пазик» втиснулась молодая, но уже полная медсестра с санитарным блоком, потом подошли ещё два доктора, и мы около трёх часов вихлялись по полуразбитой дороге, надеясь на живучесть нашего сухопутного старенького «корабля». В посёлке Хасан нас встретили не только местные доктора, но

и двое офицеров-пограничников с дежурным нарядом. Таков был порядок, однако..

Едва сестра вышла из автобуса, подошедший рослый, голубоглазый капитан сразу заулыбался:

— Елена Константиновна, Вы опять к нам? Так рады вас видеть, особенно супруга будет очень довольна. После вашего классного травяного лечения она словно пяток лет сбросила. И всё меня спрашивает: «Когда докторша наша снова приедет? Местная клиентура уже появилась. Интересуются вашими народными методами», — так я её успокоил, что скоро. И вот правда, как в воду глядел, вы тут. Будто меня слышали. А это кто с вами? Ваших коллег знаю, а...

— Это мой младший брат, Михаил, — Елена с теплотой смотрела на офицера и приветливо пояснила, — он здесь от Хабаровского краевого радио. Журналист». День был пасмурный, но светлые глаза капитана слегка прищурились.

Однако, я не боялся смотреть ему в лицо, помня советы отца не прятать свой взгляд при любом случае, стараться быть открытым. Искал что-нибудь такое, за что можно было «зацепиться» мыслью. А самое главное, глядеть без вызова, не нахальничать.

— Здравствуйте, товарищ капитан, вот мои документы». И сразу, с места, не останавливаясь: «В этих местах мой отец воевал. Водил грузовик во время хасанских событий, доставлял на позиции боеприпасы, а обратно, в медсанбаты — раненых, обожжённых, покалеченных. Несколько раз попадал

под обстрелы, был контужен. После учений получил от маршала Блюхера — именные наградные серебряные часы. За умение и находчивость. Правда, потом бабушка их куда-то дела, после того как с маршалом что случилось, ну.. сами знаете».

Капитан молча слушал мой торопливый рассказ, легонько постукивая по раскрытой ладони моим паспортом с потрёпанной гербово-малиновой обложкой, и, как будто, смотрел мимо меня, туда, где стояла сестра Елена с приехавшими докторами, медсёстрами, суетился у автобуса водитель — кореец..

— А Вы на Елену Константиновну очень похожи, — наконец он прервал мой поток воспоминаний, — даже как-то приятно. — А отец-то жив? — уже теплее поинтересовался он, и спокойно, уверенно протянул руку: «Капитан Рудаков. Журналистов уважаем. — И добавил твёрдо: «Когда правду о нас пишут. Без всяких там околичностей. Пойдёмте со мной. Надо вас оформить как положено, раз Вы тут такой особенный». И, уже обращаясь к сестре, сказал: «Елена Константиновна, вечером с Людой ждём вас на любимый пирожок. Обязательно!».

Одноэтажная застава пряталась под медовыми кронами лип и дрожащих тополей на окраине посёлка.

В дежурке, пропитанной незабываемым запахом солдатского быта, сержант наряда козырнул капитану, и быстренько вписал меня в историю заставы — журнал посещений. Ру-

даков повернулся ко мне: «Транспорт на высоты будет через два часа. Подождать можете в красном уголке. Но если хотите, покажу как тут живём: столовая, жилые кубрики, ну и прочие картины из нашей тихой погранжизни. Теперь это уже не скрываем». Сказал как бы легко, но чувствовалось, что трудно давалось ему говорить, не лежала душа к такой открытости своей особенной службы.

Не хотелось его огорчать, но в этих стенах чувствовалось как-то неуютно — давно не отремонтированное внутри помещение всем своим видом приглашало на свежий воздух. Вслед за офицером вышел на улицу.

— Давайте покажу немного наш городок, — капитан двинулся вперёд, увлекая меня за собой, — тут много чего интересного есть: своя баня, пекарня, спортгородок, учебная «КСП».

— Да, с детства мечтал побывать на границе, — ответил я, — у нас в городе на стадионе только в День пограничника солдаты показывали свои умения». Обогнув свежевыкрашенную казарму, подошли к спецполосе, что скрывалась среди уютных сосен. Присели на скамейку. Капитан взял в руки хворостинку, стал показывать на песке образцы следов:

— Вот здесь мои ребята и тренируются на всём, что есть. Проходят «КМБ», изучают всякие повадки нарушителей.

Раньше много политических было. Теперь времена другие, вроде как «соседские», но инцидентов с торговцами вполне хватает. Контрабандисты воруют у нас многое, если

не всё — тигровый ус, когти, кости, лапы гималайских «мишек», желчь оленей, рога молодых кабарожек, семена лимонника, жень-шень. Всё это у них до сих пор волшебным зельём считается. Везут к себе в Поднебесную. Продают там очень выгодно. Своё зверьё там бить страшно — смертная казнь светит им за это. А у нас — отпетый либерализм. Они и насмеются над нами. Даже в открытую.

— Вы здесь так давно, Алексей Егорович, — обратился я к нему, — что за «соседей» можно и не переживать».

— А, так и про меня знаете? — глаза капитана уже не были такими прохладными, — Елена Константиновна уже поди всё порассказала. Ох, эти женщины. Нигде, никак от них ничего не скроешь. Да и сам не скроешься. Всегда выведут на чистую воду», — и продолжил, — местный я. Дальневосточник коренной. После училища не стал проситься на запад, хотя мог. А жена очень хотела. Там у неё все родственники. Даже обижалась немного. Но что поделать — не могу бросить свой край. В армии под Москвой служил. Что-то не очень показалось. Вернулся. Отучился здесь. Тут свадьба случилась, и всё прочее. А Людмила сама из Питера. Но всё же уговорил её. Теперь привыкла. В отпуск ездим часто».

— А что, Ваш отец, действительно был с маршалом знаком?». Глаза капитана блеснули живым, неподдельным интересом.

Константин Васильевич (отец) с мамой. 1938 г. (личный архив)

— Да, он в какой-то в праздник, навеселе, рассказывал: «Когда в армию призвали, по здоровую в лётчики прошёл. Отправили, правда на курсы воздушных стрелков. Отучился. Посадили на самолёт. От природы довольно метко стрелял. И однажды, на учениях в присутствии маршала, учебную мишень так изрешетил, что её сразу списали. Когда самолёт сел, подводят офицеры к полководцу, а тот и говорит: «Отлично боец, вся мишень — в мясо, решето.. Учился долго?». Ну, не растерялся, хоть и впервые в жизни перед собой самого Блюхера видел: «Нет, я от природы такой хваткий, да и охотиться люблю в тайге. А здесь как на охоте — всё видно, только строчи». Похвалил меня: «Если все так стрелять будут, со страху никто через границу и не полезет». А

потом пожал руку, сильно так, и прибавил: «Молодец, солдат. Учись, лётчиком станешь. Нам такие нужны. Держи от меня на память». И кладёт в ладонь часы с цепью, крупные, красивые. Видел подобные у хозяина каретной мастерской, в своём городе Хабаровске, когда у него, голодный, подмастерьем работал в нэпманские годы.

В казарме получше разглядел, а там чёткая надпись: «Лучшему бойцу РККА от маршала В. К. Блюхера». Меня бойцы обступили, смотрят так, уважительно. А наш «комод», командир отделения, значит, отозвал меня в сторону, и тихо говорит: «Ты с этим подарком шибко не носись. Сейчас знаешь, какие времена, опасные. Сегодня командир, генерал, маршал, а завтра — ну, прям, никто...» И медленно отошёл в сторону.

«Потом учебка закончилась, — продолжал рассказывать отец. То ли самолётов таких не было, то ли вспомнили, что я шофёр, взяли и пересадили на штабную машину. Командиры хвалили за хорошее вождение. А когда вся эта потряска в июле возникла, из штаба округа меня перевели в 40-ю дивизию водителем. Переменил пять машин. Только одно слово про них и говорили мужики-водители: «Прощай, родина». Кабина деревянная, зажигания нет, заднего хода тоже, двигатель ручкой заводной включали. Пока навертишься, сто раз устанешь...

В общем, беда. Когда бои начались, спал часа по два-три в сутки. Машину всегда наготове держал. Раненых, убитых

целыми днями вывозил. Не запахом бензина пропитался, а духом крови. Уж и сбился со счёта, скольких перевёз в тыл. Как затихало, вперёд выдвигался на линию, там подбирал кого-нибудь. Санитары не справлялись — всегда им помогал грузить.

После тех событий вернулся домой. Недельку пил горькую. Всё солдаты в кровавой пене озёрных берегов снились. Жаловались, плакали во сне: «Почему ты нас не забрал. Нам в воде холодно». Подарок памятный матери сразу отдал. А она возьми, перед соседкой-то да и похвастай: «Моему сыну сам маршал Блюхер часы серебряные за умелую стрельбу подарил». Старшина мой, армейский, тогда как в воду глядел. Маршала к тому времени уже врагом народа назначили, и сапогами в подвалах до смерти забили. Только потом страхе объявили, что был расстрелян.

А мать, по доносу соседки, потащили в НКВД. На улице Волочаевской, знаешь, наверное, дом большой серый. Там их контора была. Допрашивали. Били. Зубов лишилась передних. После войны прожила всего два года и умерла в 1947 г. А могла бы жить ещё».

При этих словах у капитана как-то поджались губы, лицо стало серьёзным. Он выпрямился, и, видимо, желая переменить тему начавшейся искренней беседы, уже как-то сухова-то спросил, бросив взгляд на часы:

— На сопки поедем?

— Конечно. Это сейчас? — мне не терпелось посмотреть

места, где восемьдесят лет назад, здесь, между трёх границ, лежащих передо мною, как на ладони, под ливнями свинца страдал, извиваясь и плача от жестокой боли, маленький ку-сочек нашей кровавой истории.

Капитан пригласил за собой, и через несколько минут запылённый заставский «уазик» двинулся к вершинам сопок. Далеко слева остался старый посёлок, и тягостно-молчали-вое кладбище с покосившимися памятниками. В густой при-озёрной траве нас почти не было видно. Только высоко, в сером влажном небе, пели пеночки и звенел колокольчиком невидимый жаворонок. Здешняя влага и тепло — рай для местного разнотравья и нарушителей границы. И они же, су-щее наказание для пограничных нарядов — в высокой тра-вой легче спрятаться или скрыться.

Тормоза скрипнули у основания пологой сопки. Сейчас здесь снова вечная тишина. Только шорох ветра и сладко-вато-приторный запах тёплой болотной воды говорят о том, что внизу, у скатов сопки, плещется бесконечными мелкими волнами совсем небольшое озеро. Хасан... Его воды сегодня молчат о давних кровавых событиях. Лишь торопливые си-ницы-гаечки неутомимо снуют по стеблям цветущего камы-ша, снова и снова затевая свои простые песенки.

Озеро Хасан. Три государства. Три границы. (фото Интернет)

Десять минут, и мы на макушке сопки. На военных картах Генштаба России это всего лишь высота 157,0. Под именем Заозёрная. К западу, извиваясь блестит волнами тоже пограничная река Туманган (Туманная). Но она уже корейская. Гордится узким, как девичий стан, железнодорожным мостом, убегаящим отполированными рельсами из России к себе, в страну Утренней свежести. А там, среди далёких крон деревьев — частые ряды тёмно-синих крыш, геометрически чёткие, аккуратные квадраты рисовых и овощных полей в корейском посёлке Туманган.

А если глянуть слегка направо — перед нами уже лёгкий, голубовато-серый пейзаж Поднебесной. Заботливые и трудолюбивые последователи великого Конфуция быстро и красиво обустроили приграничье — в густой зелени перелесков прячется большая многоэтажная гостиница-пагода из дымчатого благородного кварцита с рестораном под крышей, скоростными лифтами и смотровыми площадками, принимая в свои стены красивую ленту свеженькой бетонки.. Только у них лучше всего получалось с туризмом. Граница, поделённая на три государства. И слышен только шорох одного на всех бродяги-ветра, немого свидетеля здешних кровавых событий, разорвавших мирное время восемьдесят лет назад..

Внизу, у подножия сопки, белел небольшой треугольник. И я сразу догадался, что это.

— А к тому памятнику пройти можно? — спросил я после недолгого молчания. Капитан коротко мотнул головой: «Там уже всё. Нельзя. Граница, — и добавил, — здесь таких памятников много. Хоронили сразу, кого нашли. Возить некогда было. Да и некуда. Время такое шло, что незачем всем было знать, откуда такие потери вдруг объявились. Пойдёмте, покажу братскую могилу. Тут, неподалёку высота 112.3. Сделано большое захоронение».

Оз. Хасан. Захоронение советских воинов на высоте 112.3 (фото Интернет)

Мы вернулись на соседнюю сопку. Заозёрная. Своим названием и покоем она оправдывает неуёмную прорву времени. Та же бесконечная дымка до самого горизонта, и то же тёплое, душное безмолвие голубоватой, почти океанской, пустоты. На военных картах это высота 157.0. Но в памяти людской она осталась, как одна из двух сопкок смерти за озером Хасан.

Иду следом за капитаном. Неожиданно поймал себя на мысли, что надо ступать след в след. Граница. Война ушла, а мысли о страхе остались. Восемьдесят лет назад здесь обиль-

но лилась кровь наших пограничников и простых солдат. Сопки, стоящие над зеркалом воды озера, стали немymi свидетелями жестоких схваток за обладание ими.

Мой провожатый, обернувшись, увидел, как я осторожно ступаю по влажной почве еле заметной тропы.

— Тревожные наряды перестали делать обходы возле воды. После дождей земля часто отдаёт Их, — заметил капитан, обводя привычным взглядом округу, — а останки утонувших спрятало озеро. Местность болотистая, от дождей линия воды у берегов часто меняется, вот и вымываются кости павших. Японцы после перемирия всех своих забрали, и после кремации отдали родственникам, как вечных героев храма Ясукуни, где молится император, глядя на их имена. Это потом имена камикадзе тоже стали там же почитать».

Место водружения знамени 118 Ачинского стрелково-го полка 40-й стрелковой дивизии 6 августа 1938 г. на сопке Заозёрной

— Вот мы и пришли, — он остановился возле скромного надгробного камня с надписью и рисунком флага. Здесь наше знамя воздвигли, и как бы всё затихло. А ожидание новой войны осталось. Сторожило целых три года».

— С чего же всё началось, Алексей Егорович?, — ожида-

ние раскрытой тайны будоражило меня, — вы здесь, как бы, хозяин этих мест.

— Давайте присядем, что ли, рассказ долгий, — и указал на большие, обветренные валуны рядом с монументом. Достав сигарету, капитан задумчиво покрутил её пальцами, и, видя что я готов его слушать, начал спокойно и доходчиво рассказывать о тягостной картине давно минувших событий.

— Проблема возникла из-за того, что линия границы здесь довольно условна. По Хуньчунскому договору 1886 года между Россией и Китаем разграничение провели кое-как, без точной привязки к местности. Будто приложили карандаш к карте и просто провели линию: будет «так-то и так-то». Россия оставила за собой озеро и эти высоты, не отметив чёткой границы по их склонам. Цинскому Китаю было всё равно, чьи эти мелкие сопки, его интересовали более крупные вопросы. Да и в царской России не особо задумывались о точности границ за каким-то мелким болотистым озером. Подумаешь, два километра длиной да 800 метров шириной. Да ещё трясины вонючие кругом. Были и более красивые пограничья. А тут что?

— Потом пришли чанкайшисты, за ними белокитайцы, — торопливо вставил я свои «пять копеек».

М.К. Андреев-Амурский на российском берегу озера Хасан. (личный архив)

— Да. И не только они. Японцы захватили Маньчжурию, обозвали её Маньчжоу-Го, посадили в ней императора-куклу под именем Пу-И, осмотрелись, и стали таскаться через границу. Мы в целом отбивались неплохо до июня 1938 года, пока к ним не сбежал генерал Генрих Люшков — начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю, комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Тот ещё негодяй. Сам-то он из семьи еврейских торговцев, одессит. Как его не разоблачили, не представляю. Столько людей пострадало, а он — нет. Да ещё и сбежал с целым комплектом секретнейших карт Генштаба по Дальнему Востоку, нашу агентуру в Китае, Японии сдал почти всю.

Когда Сталин из польской прессы узнал о его предатель-

стве, Кремль как будто вымер. Во время моей учёбы в Пограничной академии, рассказывали, что ярости его не было предела. Все просто боялись в те дни ему на глаза показываться. Даже маршалы ходили потихоньку, чтобы Хозяина не разозлить. Это же какой скандал вышел на весь мир — генерал-еврей, любимчик Сталина, сбежал к японцам и выложил им важнейшие секреты на Дальнем Востоке. Правда, в Токио, куда его привезли, Люшков попытался торговаться, но японцы честно объяснили ему, кто он такой, и сразу дали по рукам, пригрозив выдать обратно Москве».

Тут капитан остановился. Было видно, что ему с трудом даётся такое признание, да и меня внутри терзало неприятное, обидное чувство случившегося тогда, в далёком времени, гнусного предательства одного из высших чинов военной власти.

— Я слышал, что его потом ликвидировали сами японцы. Это правда? — мне захотелось хоть как-то ощутить радость справедливого возмездия.

— Да, жандармы его вернули для разведки в Маньчжурию. Но уже после войны с Германией, в 1945 году, — капитан достал новую сигарету, спокойно прикурил, — предатель снова попытался чего-то им доказывать о своей незаменимости. Но время было уже другое, они сами торопились, лишь бы живыми убраться из Китая. Быстро прикончили его при очередном споре, в отделе контрразведки, в Дайрене. К нам попали данные, что его не хотели оставлять живым — толь-

нятии в Академии, где он, может быть, даже читал курсантам что-то интересное, -они же там, в Китае, сидели как на горячей сковородке, и должны были убедиться, что на Севере, т.е. у нас, силы РККА для войны с ними будут не готовы. Так оно, в общем и случилось.

— Как же вышло, что они догадались? — мой вопрос не застал капитана врасплох.

— Начальник Посъетского погранотряда полковник Гребенник сообщил в штаб данные разведки, что японцы готовятся захватить сопки, ну и получил приказ упредить врага, занять высоты. Наш постоянный наряд в десять человек, и запасная застава ещё 30, выдвинулись на эту сопку 8 июля, заняли её. Тогда же здесь были такие правила — кто первый занял место, тот им и владеет. И японцы, кстати, тоже знали. Я же говорил, чётко обозначенной границы не было. Верх наш, а склоны внизу — их. Наутро, 9 июля, они скрытно, полуротой, подошли и попёрлись наверх, вспыхнула перестрелка. Врага вытеснили вниз. Потом, уже ночью, мы поставили заграждения из колючей проволоки, и опять же сделали всё по приблизительной границе. Окопы вырыли полного профиля. Чёткой разметки на местности не было. Тем более, что всё в тёмное время ставили, наспех.

— А утром снова бой? — снова предположил я.

— Конечно. Японцы подтянули новые подкрепления. Начались столкновения уже нешуточные. Дальше — больше. Только через две недели местные начальники сообщили в

Москву. Маршалу Блюхеру сердито из Кремля позвонили, приказали разобраться и доложить. Он и разобрался — при-был на высотки, приказал передвинуть заграждения назад, на четыре метра ближе в нашу сторону. А этого не имел пра-ва делать — армия никак не должна вмешиваться в дела по-гранвойск. Но японцев это уже совсем не устроило, они ста-ли подтягивать новые силы, накапливать войска на берегах своих рек за сопками.

«Хозяин» страны не особо-то стал и разбираться в ситу-ации, просто лично распорядился разгромить врага, не пе-реходя государственной границы, не расширяя территории конфликта. Вместо реальной помощи, для контроля своих слов и дел, «Он» направил в штаб маршала Блюхера свое-го верного соглядатая, Льва Захаровича Мехлиса, главного комиссара Красной Армии, и по совместительству, верного «смотрящего» за военными.

Личностью, скажу, он был неприятной во всех смыс-лах. Особенно, своей мерзкой, жуткой склочностью, злобно-стью по отношению к профессионалам-военным. Некоторые втихую даже называли его главным «опричником». Говори-ли, если его в армии держать, так и врагов тогда вообще не надо — всё само по себе рассыплется от бездумной жестоко-сти. Когда в Академии учился, не раз слышал, какие дурные легенды ходили о его отвратительном поведении в войсках..

— Наверное, Он думал, если Мехлис приедет, так всё сра-зу и переменится в лучшую сторону.

— Нет, скорее всего, Сталину не понравилось слишком осторожное поведение маршала Блюхера на границе в такое сложное время. Ведь сам Мехлис стремление Блюхера остановить конфликт понял иначе, расценил как политическую слабость, тут же настроил донос, что».. маршал всегда своевольничает, вмешивается в дела погранвойск, да ещё с ущербом для страны». В общем, сделал всё, чтобы «утопить» очередного полководца, заслужить ещё большее расположение Хозяина.

Поэтому, 3 августа 1938 г. Блюхер отстранили от руководства операцией, а потом вызвали в Москву для следствия и расправы.

Уже без него, 8 августа бои развернулись с новыми силами. Сталин же приказал-врага разбить, не переходя границы. А как это сделать, если перед сопками озеро, а по флангам — болота и узкие, малопроходимые тропы, совсем не похожие на дороги?

— Там, наверное, и танкам-то негде было пройти, не то, что пехоте, — пытался я вникнуть в картину боя, вспоминая ранее увиденную плакатную карту погранрайона на стене в казарме.

— Самое страшное место было вон там, — капитан встал и показал рукой на места, где танкистам приказали идти в атаку по спешно проложенным настилам (гатым) по краям болотистых берегов озера, — японцы успели подтянуть на сопки орудия, расположить противотанковые ружья и пря-

мой наводкой расстреливали сверху, как в тире, наши бензиновые танки БТ-6. Тонкая броня лопалась, как старый картон, машины сгорали очень быстро, так что мало кто из танкистов успевал их покинуть и спастись. А там болота, вязкая, как масло, зыбучая трясина. Место совсем гибельное — не подобраться к ним, ни спастись бойцам негде.

А всё потому, что прибывшие генералы из пехотных дивизий толком не знали района боевых действий, да и договориться не могли — Москва бешено торопила. Или не хотели. Сейчас уже не докажешь ничего. Не было чёткого плана боевых действий, да и солдатики наши, чего греха таить, даже не умели окапываться в ходе боя — никто же их не учил этому. Потому и потери сразу пошли очень большие от плотного огня японских пулемётов и снайперов, засевших на соседних высотках. Я не историк, но как офицер могу сказать, что район боевых действий был перенасыщен живой силой и техникой раз в 50! В истории войн я другого такого не припомню».

Краем глаза я видел его веки, сузившиеся то ли от ветра, то ли от какой-то внутренней, невыносимой боли, словно терзавшей его мыслями о тех безымянных солдатах, проливших свою кровь на этих туманных сопках и погибших на земле, которую он теперь охранял.

— А кто тогда командовал войсками? — не унимался я, слушая эти горькие признания.

— После смещения Блюхера 3 августа, когда начались

большие потери и сопки стали буквально переходить из рук в руки, Москва сменила его на Штерна. И всё равно атаки захлёбывались одна за другой. Танковый натиск никак не удавался, а погода не давала авиации работать. Да и опыта боёв в таких сложных метеоусловиях лётчики практически не имели — то бомбы химические в болота сбросят, то в сопки самолёты врежутся из-за тумана. Хотя японской авиации толком-то и не было, потери в авиаполках оказались на удивление большими: неумение летать, частые неполадки, техническая неготовность авиапарка и обслуживающего персонала.

— Артиллерия наша что, никак не работала?

— С ней тоже много вопросов было. Район ведь был совершенно непристрелянный. По площадям бить бессмысленно. Рекогносцировок, то есть уточнений боевых целей, командиры полков и дивизий практически не проводили — считали это ненужным легкомыслием, тратой времени как на зряшную штабную работу. Да и Москва торопила вопросы решать быстрее, не переходя границы. Там ведь никто и не представлял, какая сложная у озера обстановка. Всё думали победить как в гражданскую — наскоком. А ведь это была уже другая война — техническая, маневренная. К ней мы и оказались совершенно не готовы. «Врагов» искали активно, а к войне по-настоящему, так и не готовились. Сами знаете, репрессии тогда были в самой силе.

— Да уж, чего, чего, а это делали успешно, — добавил я новые размышления.

— К 10 августа все выдохлись — и мы, и японцы, — капитан меланхолично рисовал на светлом высохшем песке тропы некое подобие карты, — они первые поняли, что в боевой современной тактике оказались на высоте, а проиграли в стратегическом плане. Или им стало жаль изводить солдат императорской армии, не то, что нашим..Разведку боем на русской границе они провели, указ императора, Божественного тэнно выполнили достойно.

И теперь, не роняя лица, они готовы были договариваться о перемирии, — при этих словах мой собеседник грустно усмехнулся и продолжал, — а на следующий день, 11 августа над сопками повисла неожиданная, и потому непонятная тишина. Оказывается, ещё ночью, 10 августа посол Японии Сигемицу посетил Кремль и предложил немедленное перемирие, которое нашей стороной было сразу принято. Подписали его 12 августа. Думаю, нашим высшим было крайне невыгодно продолжение конфликта. Потому что слишком уж откровенно провальным он смотрелся в гибельных боях назначенного всеобщего наступления 2-го и 6-го августа, хотя бойцы и командиры воевали просто героически...

— Наверное, потери были большие. Как их считали? — тяжело было спрашивать, но я нашёл в себе силы спросить именно его, офицера, знающего многое, и гораздо больше чем я, об этом конфликте.

— Те командиры, что уцелели, подавали наверх данные о потерях в день прекращения боевых действий, 11 августа.

И какие сводки они могли предоставить о своих убитых товарищах, чьи тела еще остывали в кустах, глубине болот, на дне озера?! Люди, еще не пришедшие в себя, оглохшие от пальбы и ошалевшие от крови, — какие данные они могли дать? Вот вы приехали сегодня, а неделю назад над сопками пролетел очередной тайфун, вода с них потоками хлынула, размыва кусок берега. Дежурный наряд при обходе мне сообщил: «Нашли павших. Скорее всего наши, лежали в грунте со стороны озера, опознали по остаткам обмундирования, пряжки ремней там, остатки ложек». И раскапывать не надо — природа, дождь всё сделали за нас. На 50 «квадратах» собрали останки 78 человек. Кто они? Откуда эти солдатики? Никто сейчас не скажет. И никому сверху донизу в новой стране это сейчас совсем неинтересно. Сопка Безымянная, и они тоже — безымянные. Похоронили..».

Воинский мемориал на Заозёрной у оз. Хасан (фото

Интернет).

Шалый ветер грустно шуршал над нами, шептался о чём-то в тальниковых зарослях, унося давящую горечь воспоминаний и боль сегодняшнего времени. Мы сидели возле памятного камня и думали каждый о своём.

— Провели демаркацию в 90-е. Так и отдали землю-то!
— сказал неожиданно капитан, глядя в небо заблестевшими от влаги глазами..

— Как отдали?!

— Да так! Пошумели, повозмущались, а там вообще и уступили потихоньку. Правда, отдали мы меньше, чем китайцам хотелось взять, они просили 7 квадратных километров, а мы отдали один.. Корейцы не берут, дорожат дружкой, а эти — нет. Всё интерес свой ищут.. Уступленный остаток разбомбленного острова Даманский на Уссури, несколько амурских островов у Хабаровска, отданные зачем-то уже в начале 2000-х, крупные участки в Баренцевом и Беринговом морях, богатые рыбой и ценнейшей рудой, которые и нам быгодились. Теперь несколько островов Курильской гряды нужны японцам».

То ли совсем неправ был великий Михайло Ломоносов, то ли времена в пространстве резко для нас изменились, но сейчас территориями Сибири и Дальнего Востока прирастает совсем не Россия, а её хитрые, деловитые азиатские соседи. Шестая часть планеты Земля с названьем кратким «Русь»

стала вдруг одной восьмой, и до сих пор продолжает бесконечно усыхать. То ли населением, то ли своими землями. Конечно, кусок болота — не Бог весть что.. Особенно, если не считать числа погибших здесь русских солдат, защищавших свою страну от супостатов..

Туманный край у кромки океана, Застыло небо в духоте сырой, Лишь птичий стон в потоках караванов
Колышет волны памятью хмельной. «Нам холодно... Вы что, про нас забыли?» — Из-под воды доносятся слова. «Мы шли в атаку. Нас в бою убили, За те холмы, что Родина звала». Ничья теперь судьба. Ничья теперь земля, Что отдана «соседу» просто так. «Нам холодно... А вам спокойно спится, Когда мы здесь, на рубеже атак?»

Июль-август 2024, оз. Хасан, Приморский край

Вернувшийся к друзьям на поле боя...

Для меня в биографии писателя К. Симонова есть кое-что личное. Я давно хотел побывать на родине моей матери, Татьяны Денисовны Андрияновой в окрестностях Могилёва. И когда узнал, что там, совсем неподалёку, на Буйничском поле, развеян прах выдающегося советского писателя, желание посетить, увидеть это место, мыслями и сердцем почтить память великого русского писателя, перевесило все проблемы. Проживавшая в Витебске моя однокурсница по институту В. Распопова с интересом отнеслась к моей идее, с радостью согласилась стать моим гидом по этим боевым местам.

Зная творчество писателя и его жизненный путь, мне сразу стало понятно, почему этот выдающийся человек не захотел лежать в московской земле даже на самом знаменитом кладбище. А из всего многообразия мест, в которых работал по долгу службы, завещал развеять его прах именно здесь, на первом поле боя, где он вместе с своими боевыми товарищами впервые сразился с жестоким и коварным врагом. Именно поэтому пожелал и после смерти остаться с ними навсегда в этом, ставшем для него священным, пространстве.

Роман К. Симонова «Живые и мёртвые» и фильм, снятый по нему, я чуть ли не запойно перечитывал и пересматривал множество раз. Они так ярко отложились в моей душе, что

напрочь оттеснили другие произведения о войне на второй план. Своей светлой, во многом жестокой правдой. Потому что образы фронтового корреспондента Ивана Синцова и генерала Фёдора Серпилина, репрессированного в 30-е годы, а с началом войны с трудом возвращённого в строй, всегда стоят в моей памяти и живут по-настоящему в моём сердце, как действительные, а не мнимые герои тех страшных военных лет. Ведь были и такие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.